

Когда настал черед умирать очередному верующему, А-Эра пригласили к нему в дом.

Старик лежал в постели — иссохший, изможденный, кожа да кости. Жизнь в нем едва теплилась, он держался из последних сил, только бы дожидаться прихода А-Эра.

— Ты пришел... Наконец-то пришел...

Почти каждый умирающий адепт встречал его этими словами. Камилла никак не мог этого понять.

Большинство людей перед кончиной зовут мать, но у его последователей не было ни семей, ни близких — сироты или отверженные, они не знали тепла домашнего очага. Их единственным упованием, их единственной верой оставался Камилла.

— Я все еще помню, как увидел тебя впервые...

Это случилось в бескрайней степи. Тогда они с товарищами и встретили Камиллу. Тот шел совершенно нагим, ступая прямо по языкам бушующего пламени. Длинные серые волосы развевались по ветру, в золотых глазах полыхало яростное пламя, а сам он казался изваянием, сотворенным из самой первозданной, дикой стихии.

Никакие слова не могли передать этого величия — один лишь взгляд на него заставлял человеческую душу содрогаться от благоговения и трепета.

Невероятно прекрасный, абсолютно свободный зверь.

— Камилла, Камилла... — непрестанно шептал умирающий, будто вторил священной молитве.

Сквозь оконное стекло у постели больного старик разглядел, как в небесах медленно разворачивается исполинское золотое око, устремляя взор на эту убогую лачугу. Узрев его, верующий обрел покой. Теперь у него оставалось лишь одно, последнее желание.

— Поцелуй меня... Прошу, подари мне поцелуй. Позволь мне вернуться в лоно первозданной природы, раствориться в твоих объятиях.

Камилла послушно склонился и коснулся губами его лба — нежно и ласково, точно убаюкивал ребенка, испугавшегося ночного кошмара.

По морщинистой щеке старика скатилась последняя слеза, и он тихо, безмятежно погрузился в вечный сон.

А откуда-то издалека донесся едва различимый, тонкий плач новорожденного младенца.

Покинув опустевший дом, А-Эр забрался на крышу высотки и застыл, погрузившись в свои мысли.

Сейчас, пребывая в этом облиии, он знал гораздо больше, чем когда находился в двух других своих телах. Прежде, стоило ему переселиться в плоть Камиллы, как разум заволакивал хаос диких инстинктов и бушующей похоти, лишая всякого рассудка. Лишь недавно, когда уровень слияния с телом вырос, безумие наконец отступило. Чтобы чуждые воспоминания зверя не отравляли его человеческое сознание, А-Эр, возвращаясь в тела Кадзумы Арааки или Сидзуки Годзё, наглухо блокировал память Камиллы.

Из-за этого многие тайны, которые успел разгадать Камилла, оставались скрыты от его других ипостасей — включая истинные мотивы Рэнъи Карасумы, которые хищный зверь давно почуял.

— Угадай, кто? — детские ладошки внезапно закрыли ему глаза.

— Юмэно, — без малейшего колебания ответил А-Эр.

Кюсаку Юмэно, сжимавший в руках свое уродливое, диковинное пугало-куклу, весело улыбнулся и крепко обхватил руку А-Эра.

— А вот и не угадал! Вернее, угадал! Точно в цель, господин Камилла!

А-Эр не стал спрашивать, как мальчишка его отыскал — наверняка без Андре Жида тут не обошлось. Стоило Кюсаку потерять своего покровителя из виду, как он тут же устраивал форменную истерику, поэтому А-Эр заранее велел Жиду приводить ребенка к нему при первых же капризах.

— А ты как раз вовремя. Кое-что тебе скажу... Этот мир скоро погибнет.

А-Эр произнес это буднично и ровно, словно завел разговор об утренней погоде. Подобная холодная безмятежность была совсем не свойственна яростному Камилле.

— О, — так же безучастно отозвался Кюсаку. Он уставился на А-Эра своими странными, безумными глазами со зрачками-звездами и с искренним любопытством спросил: — Твоих рук дело?

— Моих.

— Потрясающе! — восхитился мальчик. — Ничего другого от господина Камиллы я и не ожидал!

— И тебе совсем не страшно? — А-Эр ощутил мимолетное, почти детское желание подразнить Кюсаку и припугнул его: — Когда мир разлетится на куски, ты ведь тоже умрешь. И уверяю тебя, это будет чертовски больно.

Кюсаку равнодушно пожал плечами, усаживая куклу на колени.

— А какой толк бояться? Если господин Камилла что-то задумал, его уже никто не остановит.

Он отложил игрушку в сторону и устремил на А-Эра тяжелый, пугающий взгляд, в котором детская невинность мешалась с чистым, незамутненным злом.

— К тому же ты сам говорил, что мы сообщники. Даже если это игра на уничтожение целого мира, я с радостью сыграю в нее вместе с тобой!

А-Эр искренне рассмеялся и ласково потрепал мальчика по разноцветным волосам.

— Ну что ж, тогда давай устроим напоследок грандиозную шалость. Прежде чем опустится занавес.

— Ура! — захлопал в ладоши Кюсаку.

В глубокой, непроглядной тьме ночи Игрок, которого дети почитали за милостивого бога, и брошенный всеми ребенок, обделенный божественной любовью, шли рука об руку. Навстречу финалу, готовые закружиться в безумном предсмертном танце на руинах этого мира.

Когда А-Эр снова открыл глаза, первое, что он увидел перед собой, было его собственное лицо.

Одно лицо принадлежало Кадзуме Арааки, второе — Сидзуке Годзё.

Ощущения были неопишимо странными. Разум словно раздвоился, порождая два независимых потока мыслей, но в то же время оставался единым и неделимым целым. Теперь он отчетливо видел окружение сразу с двух ракурсов — глазами Кадзумы и глазами Сидзуки.

Личности Кадзумы Арааки и Сидзуки Годзё окончательно слились. Их общей сутью был Игрок, А-Эр, и теперь он мог с поразительной легкостью управлять обоими телами одновременно.

Вместе с этим воссоединением к нему вернулась часть заблокированной памяти. Но то были не игровые воспоминания, а осколки его настоящей, реальной жизни.

Все оказалось прозаичнее и страшнее: этот мир действительно являлся симуляцией. Никаких банальных штампов вроде «все это лишь сон» или «игра обернулась реальностью». Это была игра, но игра совершенно особого рода.

В далекую космическую эпоху человечество неустанно искало новые миры, способные стать колыбелью для новой жизни — вторым прибежищем, подобным далекой, утерянной Земле.

И вот однажды разведывательный флот обнаружил планету, удивительно похожую на земную прародину. Правительство, опьяненное успехом, немедленно отправило туда исследовательские группы и первых колонистов.

Все отчеты сходились в одном: условия идеальны, новый мир гостеприимен и полностью готов принять человечество. На видеозаписях первопроходцы счастливо улыбались, махали руками в камеру и призывали остальных поскорее лететь к ним.

Окрыленные надеждой люди целыми волнами переселялись на прекрасную новую планету, веря в обретение рая. Но все это, разумеется, было ложью. Первопроходцы лишились воли в первый же день. Их всех подчинили.

Эта планета была живым, мыслящим существом. Овладев разумом первой экспедиции, она заставила их слать заманчивые сигналы, заманивая в ловушку миллионы новых жертв. А когда человечество наконец осознало весь кошмар происходящего, было уже слишком поздно.

Живая планета пожрала души всех колонистов без остатка. Спасти удалось лишь одному человеку — А-Эру. Его спасла Система.

Он не представлял, какие цели преследовал этот высокотехнологичный конструкт, спасая его, и лишь умолял Систему спасти его близких — его названных братьев и сестер.

Однако Система цинично ответила, что спасение А-Эра — лишь минутная прихоть, и взваливать на себя лишние проблемы она не намерена.

Души, поглощенные этим прожорливым космическим божеством, обрекались на вечные муки внутри его утробы. Без возможности умереть, без права на перерождение — бесконечный кошмар. А-Эр не мог смириться с тем, что его семья обречена на такое существование.

Поглотив неисчислимое множество разумов, планета обрела собственное эго и теперь безумно, ненасытно жаждала заполучить последнюю душу — душу А-Эра. Но преодолеть барьеры Системы ей было не под силу, и космической твари оставалось лишь пускать слюни, глядя, как ее вожаемая добыча скрыта за неприступным щитом.

Системе надоела эта патовая ситуация, и она предложила сделку. Площадкой для пари стала сверхсложная, популярная в ту эпоху игра. Если А-Эр сумеет пройти ее до конца, чудовищная планета будет обязана вернуть все поглощенные души. Если же он потерпит крах — его собственная душа достанется твари на растерзание.

Ради спасения близких А-Эр, не раздумывая, принял вызов. Что же до самой планеты, то она, ослепленная алчностью и вобравшая в себя память сотен разработчиков этой самой игры, посчитала пари легкой прогулкой. Тварь была абсолютно уверена, что человек никогда не справится со столь изощренным симулятором.

—... И почему это всё звучит как дешевый штамп из подростковой манги? — поморщился А-Эр. — Стоило подобраться к финалу, как на меня вывалили кучу роялей из кустов и богов из машины.

— Это классика, — флегматично отозвалась Система. — Надо же соответствовать трендам. Тебе не нравится?

— Погоди. Если все это время в игре я был единственным реальным Игроком...

— А, ты про форумных завсегдатаев? Все эти виртуальные толпы пользователей имитировала я. Просто хотела, чтобы ты почувствовал себя частью живого сообщества.

— Какая жуть!

При одной мысли о том, как он от скуки листал игровые форумы, спорил и обсуждал тактики с пользователями, за каждым из которых скрывался один и тот же бездушный ИИ, у А-Эра мороз пробежал по коже.

Вдруг он вспомнил еще об одном странном персонаже.

— Погоди, а тот тип, который назвался Наникорэ... Кто он?

— Как видишь, эта тупая планета очень хотела помешать тебе победить. Пользуясь памятью разработчиков, она нашла лазейку в коде и создала собственного персонажа. Вот только стоило ей войти в игру, как она сама увязла в ней по уши и напрочь забыла о своей великой миссии.

— То есть его ник — это убогая отсылка к Нанике из «Хантера»? Ну и бред, вообще не смешно!

Однако, когда абсурдность ситуации переходит все границы, человеку не остается ничего другого, кроме как смеяться. А-Эр не выдержал и коротко хохотнул, качая головой.

Он наконец разложил по полочкам текущее положение дел. После того как Рэнъя Карасума заманил Кадзуму Арааки на встречу, парня усыпили и заперли в секретной лаборатории. Когда же А-Эру удалось слить сущности Сидзуки Годзё и Кадзумы, Система порекомендовала ему временно переключиться на Камиллу — это позволило укрепить и закалить его ментальные силы, чтобы в будущем мозг выдержал нагрузку от одновременного контроля двух тел.

Теперь А-Эр задействовал оба аватара одновременно и вырвался из застенков. Охрана, попытавшаяся встать на пути беглецов, быстро об этом пожалела. Пара сокрушительных ударов от Кадзумы и точечный выброс проклятой энергии от Сидзуки — и все преследователи мгновенно отправились в глубокий, оздоравливающий сон.

Оказавшись на свободе, он первым же делом связался со своими людьми, чтобы выяснить, как изменился расклад сил за время его отсутствия.

Как оказалось, с момента похищения Кадзумы прошло почти полгода. Из-за его внезапного исчезновения и отсутствия вестей многие решили, что парень снова мертв, так что новость о его чудесном спасении вызвала среди соратников бурю ликования.

Подчиненные доложили, что Черная организация дышит на ладан — международные спецслужбы зажали ее в тиски и планомерно уничтожали один опорный пункт за другим. Личность Бурбона как внедренного агента тоже раскрыли, и он окончательно разорвал все связи с Черной организацией, начав открытую войну под своим истинным именем — Рей Фуруя.

Подобная спешка, словно кто-то нажал на пульте кнопку ускоренной перемотки, изрядно удивила А-Эра. Он решил лично связаться с Реем Фуруей.

Суперагент ничуть не удивился, услышав голос А-Эра. По его глубокому убеждению, этот парень был из тех, кто ни за что не согласится подохнуть так просто. В прошлый раз его «смерть» наделала столько шума — за ним охотилась добрая половина элитных убийц организации, пока Джин самолично не поставил точку. Поверить, что теперь он тихо скончался где-то на заброшенной базе, было бы верхом глупости.

За те месяцы, что Кадзума числился пропавшим, Фуруе удалось раскопать немало интересных сведений. Поцепившись за ниточку, которую оставил загадочный мужчина из былых сновидений, Рей вышел на след места, где прошло детство Джина и А-Эра.

Это был заброшенный частный остров. На бумаге он принадлежал подставному богачу, но реальным владельцем числился Джин, выкупивший эту землю около десяти лет назад.

Крошечный клочок суши затерялся на самых задворках океана. Фуруе стоило огромных трудов пробраться туда незамеченным. Практически все постройки на острове несли на себе следы старых пожаров. Но куда больше агента насторожили жуткие символы, покрывавшие обугленные стены домов — следы какого-то безумного, зловещего культа.

Времени на доскональный обыск не оставалось — в любой момент на горизонте мог показаться катер Джина, поэтому Рей сразу направился к полуразрушенному особняку, где когда-то ютились братья. И именно там, в тайнике под половицами, он наткнулся на сокрытые от чужих глаз останки Кадзумы Арааки.

Фуруя до сих пор не мог подобрать слов, чтобы описать те чувства, что захлестнули его в тот миг. Одно стало ясно наверняка: привязанность Джина к младшему брату давно переросла в болезненную, извращенную и пугающую одержимость.

Если до Джина дойдет хоть малейший слух о том, что А-Эр жив, он сметет любые преграды, явится из преисподней и попытается убить его вновь.

— Будь начеку, — вздохнул в трубку Рей. — Береги себя.

А-Эр немного помолчал, переваривая услышанное.

— Я понял. Спасибо тебе, — тихо обронил он и сбросил вызов.

Прежде чем опустится финальный занавес, ему в любом случае придется встретиться с Джином лицом к лицу и поставить в их отношениях жирную точку.

Да и с Рэнъей Карасумой пора поквитаться. В груди всколыхнулись чужие, яростные чувства, принадлежавшие Сидзуке Годзё.

А-Эр перевел взгляд. Одной парой глаз он смотрел на юношу с длинными белоснежными волосами и горящими розовыми глазами. Другой же парой — на статного парня со скрытым под черной вуалью лицом и темными, как смоль, локонами.

Невероятное, фантастическое зрелище. Словно смотришься в живое зеркало.

Он заставил оба тела сделать шаг навстречу друг другу. Белая и смуглая ладони поднялись одновременно, нежно коснувшись щек напротив. Со стороны они казались преданными, без памяти влюбленными друг в друга супругами.

И ведь правда: на всем белом свете не нашлось бы существ более близких, понимающих друг друга без единого слова. Ведь под масками двух людей скрывалась одна-единственная душа.

— Ты ведь тоже думаешь, что нам пора закончить эту игру? — хрипло, но твердо произнес Сидзука. Голос его слегка дрожал из-за пагубного воздействия проклятой техники, лишавшей его сил.

— Да, я знаю, — отозвался Кадзума. Его звучный, чистый голос переливался весенней трелью,

и пусть в нем еще угадывалось легкое сомнение, выбор уже был сделан.

А-Эр намеренно вел этот беззвучный диалог вслух, заставляя обе оболочки говорить одновременно, чтобы укрепить собственную решимость.

— Смотри не сойди с ума, — подала голос Система. — С таким подходом до шизофрении рукой подать.

<http://bllate.org/book/18335/1760519>